

ДЯТЕЛ Евгений Петрович

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории и экономической политики

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, РФ, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
Контактный телефон: (343) 350-75-89
e-mail: dyatel1942@mail.ru

Новое о формировании современного экономического мышления¹

Представлено краткое изложение содержания и основных выводов монографии «Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России», характеризующей вклад ученых в формирование экономического мышления. Особое внимание уделяется физиократам как первой научной экономической школе, оказавшей влияние на становление актуальных для многих российских экономистов классового и воспроизводственного подходов; малоизвестной российскому читателю «политической экономики сенсуалистов», которая может быть названа предтечей современной теории экономического выбора; системному подходу к истории экономических учений, нашедшему яркое выражение у французских и российских соавторов. Последнее позволяет рассматривать рецензируемую монографию как серьезную заявку на формирование континуума (единства в пространстве и времени) экономической мысли, что делает экономическую науку более многогранной, актуализирует, казалось бы, давно забытые идеи и проливает свет на природу базовых положений экономической теории.

JEL classification: B41

Ключевые слова: экономическое мышление; воспроизводственный подход; политическая экономия сенсуалистов; континуум экономической мысли.

Введение

История экономических учений переживает не лучшие времена. В «основном русле» (мейнстриме) принято считать, что economics, по аналогии с естественнонаучными дисциплинами, развивается по кумулятивной траектории. Изучать экономические идеи прошлого – бессмысленная трата времени, так как все последние достижения воплощены в свежих публикациях (см. об этом: [12. С. 93–106], а также: [16; 17; 21]). Но есть обстоятельства, которые заставляют усомниться в обоснованности столь однозначных высказываний. Некоторые эксперты утверждают, что к немаловажным факторам Великой рецессии (2007–2009 гг.) можно отнести пренебрежительное отношение современных экономистов и политиков к экономическим концепциям прошлого, в которых прослеживалась взаимосвязь между технологией, экономикой и финансами. Если это так, то встает задача привлечения внимания экономистов (и не только их) к изучению методологии и истории экономических учений (ИЭУ). Ее решение требует качественных публикаций, способных заинтересовать современных читателей.

Нельзя пожаловаться на нехватку работ по экономической методологии или истории экономических учений. М. Блаугом, Ю. Йонаем, Д. Макклоски, Ф. Мировски и рядом других специалистов создана внушительная библиотека капитальных исследований

¹ Рецензия на монографию: Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под общ. ред. А. Г. Худокормова, А. Лапидюса. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 668 с.

(см.: [1; 5; 6; 19]), небезынтересных для любого читателя, включая тех, кто считает ИЭУ коллекцией ошибок мыслителей прошлого. Проблему мы видим в другом: в большинстве современных работ по истории экономических учений сформировался свой мейнстрим, предполагающий, во-первых, преимущественное обращение к англоязычным источникам, во-вторых, математизацию как едва ли не единственный признак научности экономической теории, что приводит к выхолащиванию ее социальной, мировоззренческой сущности (см.: [10]).

В литературе по истории экономической мысли вклад исследователей континентальной Европы, а тем более России, освещен не так подробно, как он того заслуживает. Еще меньше внимания уделяется изучению экономических идей, появившихся до начала эры классической политической экономии. Эти лакуны во многом заполняет рецензируемая монография, авторы которой подробно анализируют важные вехи в развитии истории экономических учений, такие как экономическую мысль Античности и Средневековья, физиократию и сенсуализм, а также идеи видных российских экономистов. Обсуждаются существенные аспекты методологии научного мышления. Учитывая неоднозначное отношение к ИЭУ наших современников, резонно задаться вопросом о том, в какой мере именно эти страницы в обширной летописи истории экономических учений могут представлять интерес для исследователя и преподавателя экономической теории. К сожалению, подробный анализ представленных в книге идей практически невозможно поместить в ограниченные рамки одной рецензии, поэтому нам показалось правильным сосредоточиться на тех сюжетах, которые недостаточно известны российскому читателю, а также тех, которые позволяют сделать общезначимые выводы.

В связи с последним несколько слов о методологической позиции рецензента.

1. Одной из заслуг континентальной философии является методологический принцип единства исторического и логического. Он обогащает гегелевский тезис о совпадении логического и исторического, который нашел выражение в афоризме «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» [7. Т. 46. Ч. 1. С. 42]. Но человек не является продуктом одних анатомических изменений. Необходимо учитывать действие других факторов, часть из которых может быть генерализирована, другие ждут своего исследователя. Похожие тенденции прослеживаются в истории экономической мысли.

2. В экономической литературе не принято ссылаться на принцип Болька, декларирующий развитие нового качества на основе неспециализированных (зародышевых) свойств биологического организма. Однако, если представить экономическую мысль России (Франции, Германии и т. д.) в виде системы взаимосвязанных научных взглядов, в ней обнаружится много реликтовых направлений и течений. Есть также идеи, отражающие специфику российской действительности. От них не следует отказываться лишь потому, что они стоят в оппозиции к мейнстриму.

3. Любая идеология сопротивляется отступлению от канона, и нужны немалые усилия, чтобы преодолеть сложившийся взгляд на прошлое, а следовательно, на настоящее и будущее экономической мысли. Автор «Введения»¹ выразился так: «Новые открытия, которые мы в состоянии сделать, имеют смысл только начиная с того момента, когда мы можем привязать их к более старым конструкциям» (с. 10). Отсюда и возможность исторического труда, активизирующего замороженную исследовательскую программу (с. 17).

4. Отсюда же *цель нашей статьи*: поддержать методологический подход, направленный на *формирование континуума, единства экономической мысли в пространстве и времени*. Он делает экономическую науку более многогранной. Актуализируются,

¹ А. Лapidюс. «Введение: почему история экономической мысли отличается от других историй?» (с. 6–30).

казалось бы, давно забытые идеи, и проливается свет на природу базовых положений экономической теории.

К сожалению, многие из достижений наших предшественников по сей день остались неизвестными исследователям, преподавателям и студентам, тратившим огромные усилия на формулирование теоретических выводов, сделанных иной раз сотни лет назад. Этот пробел может быть устранен, если обратиться к различным разделам (главам) рецензируемой монографии за сведениями, советами и помощью. В некоторых из них уделяется больше внимания методологии, в других историческому контексту становления взглядов предшественников и создателей современной экономической теории. Начнем в порядке, установленном самими авторами книги.

Схоластика: практические аспекты нормативной экономики¹

В течение нескольких столетий средневековые схоласты вели спор о природе «справедливой цены». Многим современным читателям, а студентам и подавно, проблема не покажется актуальной. Они считают, что справедливой может быть только равновесная цена. Но выход в свет «Теории справедливости» Дж. Роулза актуализировал эту категорию [11. С. 114], а последующие исследования показали ее практическую значимость. Нам представляется заслуживающим внимания вывод: «...схоластическая концепция справедливой цены носила в первую очередь операционный характер. Она нужна была не священникам в своем общении с паствой, а судам при разбирательстве тяжб – как основа для вынесения суждений. ...она не являлась объектом самостоятельного исследования, но часто – результатом рассмотрения конкретных моральных и юридических вопросов» (с. 55). Эта тенденция актуальна и сегодня².

Прагматический подход характерен для анализа и такого, сложнейшего для нормативной экономики, вопроса, как процент за пользование денежными средствами (с. 55–74). Через все Средние века проходит положение о «бесплодности денег», а следовательно, о неправомерности взимания процента. Конечно, многие российские представители мейнстрима расценят эти рассуждения как дела давно минувших дней. Но следует вспомнить, что сравнительно недавно сторонники марксистской политической экономии убежденно отрицали необходимость денег (как финансового актива) и что эта «нормативная» идея не умерла [4. С. 305–306, 765–767]. К тому же в мире существуют различные нормы права. В соответствии с принципами исламской банковской системы ссудный процент до сих пор, в отличие от инвестиционной доли прибыли, находится под запретом.

В экономической науке в течение столетий господствовал постулат о сугубо конвенциональной природе и, следовательно, бесплодности денег, но в качестве исключения рассматривался и межвременной обмен: «Большинство схоластов сходились во мнении, что обменная пропорция настоящих благ на будущие должна быть больше, чем при обычном обмене этих же благ» (с. 68). Это вело за собой различия в ценности сегодняшних и завтрашних денег, что стало важным шагом к их пониманию как финансового актива, а ссудного процента как оправданной платы за использование последнего.

Такая правоприменительная практика, расширявшая возможности использования экономических законов, не возникала сама по себе. Нужно было глубже вникнуть в природу денег, что и происходило в споре сторонников «конвенциональной» и «металлической» теорий (с. 75–86). Что касается второй, она означала шаг к признанию денег элементом национального богатства: «Выводя существование денег из заинтересованности каждого члена сообщества и заключая, что в ходе каждой трансакции и для

¹ Авторами очерка «Экономическая мысль средневековой Европы» являются А. Лапидюс и И. Чаплыгина.

² Например, такой характер носит «справедливая» цена труда [14] (см. также: [18]).

каждого продавца деньги являются субститутутом права собственности на естественные блага, Орезм заключает, что деньги являются собственностью сообщества» (с. 82). Вместе с тем необходимо было ответить на вопрос о соотношении экономических функций денег как заботы хозяйствующих агентов (домохозяйств) и денежной политики как прерогативы государственной власти, что объективно подводит нас к следующему очерку.

Меркантилизм: экономическая политика – предтеча формирования политической экономики¹

По мнению автора очерка, «Введение в научный оборот выражения *политическая экономия (oeconomie politique)*, осуществленное Антуаном де Монкретьеном в начале XVII века отражает радикальное изменение точки зрения, недоступное для предшественников, так как это понимание содержало в себе противоречие в терминах: по определению все то, что являлось *экономическим*, не могло быть для них *политическим*» (с. 87). Дальнейший анализ потребовал обращения к торговле как «жизненному духу политического тела» (с. 99). Монкретьен и многие его современники отдают приоритет государю – законному представителю общественных интересов: «Поскольку торговля относится к политической деятельности, она должна находиться под жестким контролем государства» (с. 103).

Дихотомия экономики и политики может быть решена и другим (либеральным) путем: «...представители крупных торговых компаний, такие как Томас Ман и Эдвард Мисселден, ... предлагают, наоборот, положиться на природу вещей, т. е. на самих торговцев, поддерживать их в случае необходимости, так как то, что выгодно их компаниям, равным образом выгодно и государству» (с. 103). Отсюда понятия прибыли или убытка распространяются как на купца, так и на королевство в рамках «*торгового баланса*» (с. 106). Это ставит вопрос о возникновении «...*догосударственной общности*, в которой принимает участие торговля» (с. 110). Или, говоря языком марксистской политической экономики, торговля может рассматриваться как элемент экономической материи (производственных отношений), опосредующей взаимосвязь между природой и технологией, с одной стороны, властью и политикой – с другой.

Такой подход недостаточно учитывает роль личностного фактора, использование которого позволяет расширять территорию, захватывать чужое и защищать свое имущество. Позиция Фрэнсиса Бэкона – сторонника второго подхода – может быть охарактеризована как *неомаккиавелизм* (с. 111). Он считает важным фактором величия государства «военную доблесть»: «Для этого нужно, чтобы эти люди были *свободными*, а это, в свою очередь, предполагает, что они должны быть собственниками участка земли, достаточного, чтобы обеспечить их экономическую независимость и, следовательно, их политическую автономию» (с. 112).

Следующий шаг к единству экономики и политики делает Уильям Петти, который выделяет мысль о том, что «...богатство королевства связано с его торговлей и переходит к государству посредством хорошо организованной налоговой системы» (с. 113). Он считает, что государь сможет основывать свои действия, прежде всего по сбору налогов, на точном знании положения королевства в том, что касается населения, торговли, богатства и доходов, а такое знание ему может представить только политическая арифметика (с. 113). Когда апеллируют к арифметике, нужно определиться с единицами измерения. Петти утверждает, что «...все вещи должны быть оценены при помощи двух естественных величин, которыми являются земля и труд». Поскольку общим измерителем остаются все же деньги, он защищает идею, что деньги всегда должны сохранять установленный законом курс (с. 114). Дальнейший анализ приводит к заключению:

¹ Ж. Тома Равикс. «Торговля, деньги и политика: меркантилистские концепции» (с. 87–126).

идейная целостность меркантилизма состоит «...не столько в экономическом учении, сколько в политической системе» (с. 124).

Отнесение Петти к меркантилистам расходится с представлениями многих российских экономистов, которые, опираясь на высказывания К. Маркса, считают его одним из родоначальников классической политической экономии и трудовой теории стоимости. Но в зачаточном состоянии экономической науки того времени – автор очерка называет его «политической экономией барокко» (с. 126) – можно рассмотреть различные тенденции. По Марксу, «опутанный представлениями монетарной системы» Петти отождествляет деньги с «овеществленным всеобщим трудом» [7. Т. 13. С. 40]. Сторонники современного мейнстрима могут увидеть историческое и логическое единство тезиса об «искусственном стандарте обмена» (цит. по: [2. С. 103]) с представлением о нейтральности денег, всегда имеющих предельную норму замещения, равную единице (Л. Вальрас, А. Маршалл, современные учебники микроэкономики). Наше прочтение «Трактата о налогах и сборах» [9] убеждает в его близости к основанным на здравом смысле произведениям меркантилистской и камералистской литературы, из которых впоследствии выросла классическая экономическая теория.

В целом мы считаем интересным и плодотворным детальное и тонкое исследование взглядов упомянутых в очерке представителей меркантилизма, свидетельствующее о последовательном осознании ими важнейших экономических категорий: земли и труда как факторов производства, денег, торгового и платежного баланса и т. д. Этот вклад отражает хозяйственные реалии не только прошлого, но, в значительной степени, настоящего времени.

Физиократия: экономические принципы, классовый и воспроизводственный анализ

Физиократы традиционно рассматриваются как первая теоретическая школа, созданная на основе общих принципов экономического исследования. Отсюда внимание, которое уделяется ее мировоззренческой основе: «Кенэ развивает оригинальный анализ социального взаимодействия, основанного на следовании индивидуальному интересу. В качестве основы анализа выступает противопоставление двух типов разума: с одной стороны, простой рассудок; с другой – просвещенный разум. ... В мире противоположных интересов, управляемых простым рассудком, т. е. интересов различных классов, которые и составляют общество старого режима (*Ancien Regime*) Кенэ находит возможность примирения, т. е. возможность существования мира, соответствующего естественному порядку, где интересы каждого будут удовлетворяться тем лучше, чем больше они подчиняются общественному интересу» (с. 128–129). Далее автор¹ характеризует методологические подходы и результаты анализа, представленного в «Экономической таблице» Кенэ. Из обращения к указанной таблице становится ясным ее непреходящее значение: она сформировала теоретический объект экономического исследования, который может интерпретироваться различным образом, например с помощью «формализма линейных производственных моделей», что перекликается с трудами В. Леонтьева о структуре американской экономики (с. 132). Ее существенный недостаток мы видим в том, что таблица строится из заранее заданных пропорций распределения валового продукта. Подобного рода теоретическое моделирование (при прочих равных условиях) определило пределы классового и воспроизводственного анализа не только Ф. Кенэ, но позднее К. Маркса и многих его последователей.

О влиянии физиократов на К. Маркса известно из его оценки «Экономической таблицы». Внимательное прочтение трудов Кенэ² позволяет нам провести и другие

¹ А. Лapidос. «Теоретические цели физиократии» (с. 127–134).

² См. следующий очерк: А. Орэн. «Франсуа Кенэ и физиократия. „Общие принципы экономической политики земледельческого государства“» (с. 135–166).

параллели в построении категориального аппарата экономического анализа. Во-первых, это деление общества на три класса. В марксистской политической экономии системообразующую роль играют классы – капиталистов, наемных работников, земельных собственников. Ф. Кенэ в «земледельческом государстве» тоже выделяет три класса: производительный («класс фермеров»), земельных собственников, «бесплодный» (ремесленники и торговцы) (с. 149–150). «Взаимоотношения между людьми отныне рассматриваются не под политическим или правовым, а именно экономическим углом зрения, их взаимозависимость отныне скреплена обращением богатства» (с. 150). Во-вторых, Ф. Кенэ и К. Маркса объединяет следование методологическому принципу монизма, в соответствии с которым необходимо найти единый источник «чистого продукта», т. е. «создания» богатства, и выделить функциональные формы его движения (у Кенэ – «прибавления» богатства, и распределения). Для физиократов источник богатства – земледелие: «...лишь в сельском хозяйстве стоимость проданной продукции превосходит издержки» (с. 147). Аналог в трудовой теории К. Маркса – «переменный капитал». У Ф. Кенэ: «...Стоимость, добавленная ремесленником, является лишь „стоимостью расхода“: продажная цена здесь равна исходной цене, т. е. цене сырья и тех продуктов, которые он потребил во время процесса производства» (с. 147)¹. Аналог у К. Маркса – «постоянный капитал». И, наконец, стоимость чистого продукта (у Ф. Кенэ – «прибыль, извлекаемая из земледелия») может быть названа «прибавочной стоимостью» (К. Маркс).

Конечно, речь не идет о механическом заимствовании К. Марксом методологического подхода Ф. Кенэ. Суть в другом: категориальный аппарат физиократов оказался действенным инструментом для анализа экономического кругооборота, распределения богатства между классами, в ходе которого воссоздается его материальная основа и воспроизводятся классовые (производственные) отношения данного общества. Однако, характеризуя это выдающееся достижение физиократии и марксистской политической экономии, нельзя забывать, что у Ф. Кенэ исследуется абстрактный «естественный порядок земледельческого государства», у К. Маркса теоретический объект исследования – «чистый капитализм».

Наше изложение будет неполным, если из него исключить характерные для физиократов тенденции экономического либерализма. Именно они были последовательными сторонниками принципа *laissez-faire*. Исключительная роль класса собственников (с. 140–141) в общем и целом ограничивалась требованием полной свободы торговли (с. 142). В некотором смысле это был теоретический и практический тупик². Выход просматривался в других, пока еще зародышевых идеях их современников – сенсуалистов.

Политическая экономия сенсуалистов³

Это выражение практически не знакомо российским читателям, поэтому позволим себе объемную выдержку из рецензируемой работы: «Впервые термин „политическая экономия сенсуалистов“ был введен Жильбером Факкарелло в 1992 г. ... Под этим термином он понимает течение, которое параллельно с физиократами, а в чем-то и в противовес им получило бурное развитие во второй половине XVIII века». Все сенсуалисты делают акцент на роли чувств как источнике знаний и потребностей: «Отталкиваясь от категорий „потребность“ и „желание“, они строят свои рассуждения на основе

¹ В другом месте Ф. Кенэ говорит: «Продукты труда требуют от тех, кто их изготавливает, расходов и издержек, которые равны по стоимости самим этим продуктам» (цит. по с. 147).

² См.: «8. Упадок школы и распространение физиократических идей за границей» (с. 164–166).

³ А. Орэн. «Политическая экономия сенсуалистов (1746–1776) и оппозиция физиократам» (с. 167–216).

концепции полезности и разрабатывают общую теорию частных интересов. ... Решительные сторонники политики *laissez-faire*, рассуждающие скорее в терминах рынка, чем кругооборота, настаивающие на необходимости возмещения факторов производства и „равновесии“, они разработали структурную теорию общего обмена, которую нельзя смешивать с аналогичной теорией физиократов» (с. 167).

Исходным пунктом является «аналитическое определение термина потребности» (с. 173–176). Сенсуалисты выделяли первичные (естественные) и вторичные («искусственные») потребности (с. 177). Последние возникают в процессе общения и обмена идеями. «В результате набор идей расширяется и новые потребности толкают людей к тому, чтобы обучаться и искать средства их удовлетворения» (с. 179–180). Эта идея прогресса опирается (вспомним, что речь идет об эпохе Просвещения) на «упорное обучение», которое создает возможности для формирования «шкалы предпочтений» (с. 185). И далее автор очерка утверждает: «В силу того, что понятие шкалы предпочтений возникает у сенсуалистов чисто аналитически, она касается не целых объектов, как это представлено в традиционной микроэкономике, но их характеристик, как в подходе Ланкастера» (с. 185–186). Отсюда следует закономерный вывод о том, что ключевого основоположника сенсуализма аббата Этьена Бонно де Кондильяка (1714–1780) можно назвать предтечей современной теории экономического выбора: «У Кондильяка объекты, имеющие собственную информационную структуру, формируют определенные совокупности, которые можно назвать „контекстом выбора“» (с. 186). При этом «...выбираемые человеком объекты по своей сути являются лишь средствами. ... Именно в этом состоит эволюция потребностей, именно так они постоянно преумножаются. ... А поскольку все эти блага доступны не всем, человек их оценивает и выменивает либо у природы, либо у себе подобных, чтобы обеспечить себя ими» (с. 190).

Аналитика сенсуалистов далеко опередила свое время. Нетрудно увидеть сходство ее категориального аппарата с неоклассикой, но следует обратить внимание и на проблемное поле, на котором физиократы и сенсуалисты испытывают разногласия друг с другом. Это – теория ценности (стоимости) и цены.

Для Ф. Кенэ цена: «...это меновая ценность продаваемых (коммерческих) благ. Таким образом не следует смешивать цену продаваемых благ с их потребительской ценностью» (с. 190). Дальнейшие рассуждения Кенэ не отличаются большей определенностью, из чего некоторые современные авторы заключают, «...что у физиократов „нет теории ценности“» (с. 191). Тем не менее дискуссия между физиократами и сенсуалистами по вопросам цены позволяет добавить существенные штрихи в разграничение между классической политэкономией и неоклассикой. На наш взгляд, оно основывается на признании в качестве объекта присвоения: 1) товара (политэкономия) или 2) услуги, т. е. субъективно определяемой формы присвоения полезных свойств объекта (неоклассика) (см: [3. С. 82]). И, как нам кажется, так же может быть интерпретирован следующий вывод: «Цены никоим образом не рассматриваются сенсуалистами как величины общественные, которые бы навязывались участникам обмена. Именно индивидуальные желания и оценки определяют их в каждый данный момент времени» (с. 194). При этом «...у сенсуалистов нет никакого противоречия между „теорией полезности“ и „трудовой теорией стоимости“... Чем больше субъективная оценка предмета, тем дольше и тяжелее человек готов работать» (с. 194–195). Отсюда и более глубокое понимание стоимости. Пьетро Верри, отбрасывая понятия «создание» и «прибавление», считает, что «...точно так же, как труд на земле, труд ремесленников является „модификацией“ материи, что создает ценность и богатство» (с. 200). Еще дальше идет Кондильяк, выдвигая идею «...продуктивности торговли, которая придает ценность благам, которые не имели ее там, где находились раньше» (с. 201).

Оппозиция физиократам

В рассматриваемый нами период формирование экономического мышления происходило под влиянием различных обстоятельств: 1) оно совпадало с построением абстрактных теоретических моделей кругооборота валового продукта; 2) теоретические модели сенсуалистов строились с учетом углубившихся в эпоху Просвещения знаний о человеке, его физиологических и психологических особенностях и потребностях; 3) свою роль сыграл экономический анализ с позиций здравого смысла и учета эмпирических фактов.

Франсуа Верон Дюверже де Форбонне, достижения которого в развитии экономической мысли Франции автор очерка ставит вровень с вкладом Ф. Кенэ (с. 210), указывает, что физиократы «...не знают фактов и всегда чужды реальному предмету, всегда говорят лишь о том, что воображают: они говорят об этом постоянно и заканчивают тем, что рассказывают о своих открытиях» (с. 216). Другой французский экономист Жан-Жозеф-Луи Граслен утверждает, что само понятие кругооборота является ошибочным. Все, кто внес вклад в создание какого-нибудь блага, являются его «совладельцами», и каждый получает законное вознаграждение в соответствии со своей долей собственности – «ресурсом» (земля/капитал) или «трудом» (с. 214).

Отметим, что подобного рода высказывания французских экономистов XVIII века едва ли не дословно повторяются в современных учебниках микроэкономики. Это дает почву для размышлений. Во-первых, чтобы они (высказывания) приобрели статус прописных истин, должна была свершиться маржиналистская революция со всей мощью ее методологического арсенала. Во-вторых, как показывает история экономической мысли не одной Франции, существенная роль мировоззренческой составляющей сохраняет шансы для гетеродоксии, в том числе классового и воспроизводственного подходов.

У истоков микроэкономического анализа:

возникновение аналитической экономики (Курно и Дюпюи)¹

Антуан-Огюстен Курно и Жюль Дюпюи «...ввели в экономическую теорию новые понятия: функции предложения и спроса, предельные издержки, излишек потребителя, стратегическая взаимозависимость – все эти понятия образуют основу анализа благосостояния и формирования цен» (с. 218). Курно рассматривает экономическую систему как «совокупность, в которой все части связаны друг с другом и друг на друга влияют» (с. 220). Современным читателем это может быть воспринято как вывод, предвосхищающий анализ общего равновесия. Авторы более осторожны. Они считают, что Курно ограничивается «анализом частичного равновесия» (с. 220)². Этого оказалось достаточно, чтобы и сегодня, спустя почти 200 лет, в учебниках микроэкономики было представлено равновесие Курно наравне с другими упомянутыми выше понятиями. Почему же «...они так долго оставались непонятыми»? Авторы очерка считают, что главным образом из-за того, что «...их идеи были одновременно весьма сложными и совершенно новыми» (с. 217).

Произведения сенсуалистов, как, впрочем, и физиократов, показывают, что предшественникам Курно были по плечу самые сложные проблемы экономической науки. Но в трудах Курно и Дюпюи математика из инструмента количественных (по сути, арифметических) вычислений стала превращаться в логику экономической науки,

¹ А. Боро, Ф. Этнер. «У истоков микроэкономического анализа: Курно и Дюпюи» (с. 217–240).

² Эта точка зрения близка к позиции Й. Шумпетера, назвавшего Курно мастером «...анализа частичного равновесия, который к тому же первым показал, что может сделать для нас математика. Я думаю, исторически некорректно приписывать ему больше, чем смутную и неоперациональную идею *общего равновесия*» [15. С. 1265].

с чем не готовы были безоговорочно согласиться представители ее «гуманитарного крыла»¹.

Возможно, причина непонимания кроется также в мировоззренческой позиции А. Курно, которая может рассматриваться как одно из условий его выдающихся достижений: «Фундаментальный вклад Курно состоит в том, что он развил более полную теорию рынка. До него представители классической школы чаще всего предполагали, что рынки являются конкурентными. Курно же в качестве исходного пункта использует случай, в рамках которого благо продается единственным предприятием, затем добавляет еще одного, а потом и нескольких конкурентов. ... и, наконец, приходит к „неограниченной“ конкуренции, когда число производителей столь велико, что производством каждого из них можно пренебречь» (с. 222). Такой методологический подход опережает свое время².

Вторым условием является принцип единой цены. А. Курно определяет рынок «...как территорию, части которой соединены отношениями свободной торговли таким образом, что цены устанавливаются на одном уровне с легкостью и быстротой» (с. 223)³. Поскольку у некоторых читателей сложился устойчивый стереотип несовместимости свободной торговли и монополии, напомним, что в основе любой торговли лежит *прямая* конкуренция между продавцом и покупателем по поводу цены товара и объемов его покупок. Опираясь на это положение, Курно «...предполагает, что для каждого продукта годовой спрос является непрерывной, убывающей и дифференцируемой функцией $F(p)$, т. е. функцией от цены p данного продукта (с. 222).

А. Курно – эмпирик, в том смысле, что он «имеет дело исключительно с рыночными ценами» (с. 217). Он, говоря языком неомарксистов, анализирует не сущность, а функциональные зависимости. Выясняя функцию спроса, он опирается на очевидные положения: тип полезности вещи, средний уровень богатства, желание каждого «извлечь из своей вещи или своего труда наибольшую возможную ценность» (с. 220, 222). Как это и должно быть, «эмпирическая» основа позволяет ему успешно применять математический аппарат для получения нового знания⁴.

В качества оправдания не понявших его современников можно указать, что первая промышленная революция еще не создала новую экономическую реальность, в которой одна или несколько фирм способны обеспечить весь платежеспособный спрос в товарах индустриального производства. На рынках сельскохозяйственных и других товаров, в создании которых преимущественное участие принимали естественные факторы производства, господствовала совершенная конкуренция, многочисленные примеры которой давали покупка свежельвленной рыбы, свежесрезанных цветов, собранной на определенный момент времени клубники, пшеницы и т. п. Не случайно А. Смит определял «...эффективный спрос как количество блага, требуемое теми, кто в состоянии платить за товар его естественную цену» (с. 222).

¹ «Большинство теоретиков, включая некоторых „великих“, совершенно не догадывались о возможности существования теории, которая могла бы в конце концов достигнуть численных результатов» [15. С. 1268].

² В 30-е годы XX века с анализа монополии начинается свое, ставшее классическим, произведение «Экономическая теория несовершенной конкуренции» Джоан Робинсон [20]. В 1926 г. эту мысль высказывал Пьеро Сраффа [22. Р. 542].

³ Это определение вошло в современные учебники микроэкономики [8. С. 80].

⁴ Изложенные выше соображения, за которые, как и некоторые другие, я несу личную ответственность, внешне противоречат позиции авторов очерка: «Курно представлял собой математика университетского типа, увлеченного историей наук, который отстаивает право интересоваться экономической теорией как абстрактной наукой» (с. 230). Но изложение М. Фридманом методологии позитивной экономической науки [13] показывает, как важно выбрать правильные абстрактные предпосылки для получения эмпирически верифицируемых результатов.

Второй анализируемый автор, Ж. Дюпюи, «...был инженером и был озабочен тем, чтобы создать экономическую теорию, способную представить решение вопросов, с которыми он ежедневно сталкивался: например, о том, как оценить полезность общественных работ, чтобы принять решение, требуется ли их проведение или нет?» (с. 230). Его умение представлять решение важнейших экономических вопросов в наглядной геометрической форме, казалось, должно способствовать как ясности изложения, так и легкости усвоения представленных результатов. О Дюпюи иногда пишут как о «...первом экономисте, который в убедительной форме представил понятие предельной полезности, чтобы связать его с кривой спроса» (с. 231). И, хотя он чаще всего рассуждает о дискретных благах (речь идет о том, чтобы оценить использование моста или канала, когда спрос индивида обычно равен или нулю, или единице), нам такое утверждение кажется правомерным.

Заключая, отметим, что авторы очерка считают желательным представлять Курно и Дюпюи как основателей неоклассической школы, если «стремиться непременно сохранить» само это понятие. «Вальрас, Дживонс, Эджуорт и Маршалл выступали бы в качестве их талантливых, но не всегда последовательных учеников» (с. 237). Авторы правы в том, что маржинализм как методологический подход, преобразовавший всю картину экономической теории, нельзя изучать без учета глубинных течений, отраженных в данной версии («взгляде из Франции») истории экономической мысли.

Возникновение и развитие утилитаризма: английские предтечи неоклассики (Иеремия Бентам, Джеймс Милль)

Выраженная курсивом наша интерпретация основной идеи очерка не полностью совпадает с намерениями автора¹, рассматривающего проблему в более широком контексте. Для него Иеремия Бентам предстает как основатель утилитаристской философии (с. 242–251), исследователь проблем политической экономии (с. 251–255), включая те из них, которые сегодня относят к институциональной экономической теории (с. 255–259).

Решая поставленную в подзаголовке задачу, обратимся к «арифметике счастья» (*felicific calculus*) И. Бентама. Он не является автором формулы «наибольшего количества общего счастья», приписываемой Хатчисону и Хартли. Но «...несмотря на эти заимствования», которые нельзя скрыть, Бентам может быть назван предшественником в отношении двух тезисов: 1) его представление о гедонистическом поведении индивидов претендует на научность: он прибегает здесь к «расчету страданий и удовольствий»; 2) описание им связи между индивидуальным поведением и его целью – максимизацией общественной пользы – имеет оригинальный характер: первое рассматривается как инструмент на службе второй» (с. 243). Автор очерка показывает «кардиналистскую» и «ординалистскую» формулы расчета. Они чрезвычайно наглядны и могут служить основой для теоретических и практических выводов, включая рациональную систему наказаний и поощрений. С кардиналистской точки зрения «выгода от преступления» и страдание вследствие применения закона оцениваются в денежном эквиваленте (с. 244–245). Но Бентам видит также проблему различной ценности денег для различных индивидов или для одного индивида в зависимости от времени или обстоятельств, т. е. межличностного сравнения полезности. Ординалистский подход позволяет перейти от числового подсчета к ранжированию страданий и удовольствий (с. 246–247).

Несмотря на схожесть определения «функции общественного благосостояния по Бентаму» (с. 250) с различными концепциями, присутствующими в современной микроэкономике, желательно разделять мировоззренческую и операциональную стороны

¹ Н. Сиго. «Возникновение и развитие утилитаризма (Иеремия Бентам, Джеймс Милль)» (с. 241–270).

проблемы. Остаются актуальными по сей день слова Бентама: «Только закон позволяет мне забыть о моей природной слабости. Только благодаря ему я могу огородить свою землю и приступить к ее обработке в надежде на будущий урожай» (с. 254). Что же касается основанного на утилитаризме инструментария экономической и правовой науки, он составил самостоятельный предмет анализа поколений последующих исследователей.

Джеймс Милль выступает в роли: а) продолжателя и распространителя бентамовского утилитаризма (с. 259–262), б) убежденного рикардianца (с. 262–270). Он не столько развивает содержащиеся в учении Д. Рикардо зачатки маржинального анализа, сколько доводит до крайности базовые положения трудовой теории стоимости и тем самым показывает их объективные пределы, требующие преодоления на путях нового экономического мышления.

Дальнейшие исследования членов авторского коллектива посвящены, в первую очередь, истории становления и развития неоклассики – анализу трудов У. С. Джевонса, А. Маршалла, О. фон Бём-Баверка и др. Вызывают интерес очерки Ж. Авраам-Фруа по теории капитала, А. Божара об истории нормативной экономической теории, и, конечно, привлекают внимание разделы, написанные известными российскими историками экономической мысли Е. Н. Калмычковой, О. И. Ананьиним, Ю. А. Ольсевичем, И. Г. Чаплыгиной, А. А. Мальцевым. Объем нашей статьи-рецензии не позволяет подробно остановиться на затронутых ими интереснейших сюжетах. Поэтому в качестве заключения остановимся на очерке А. Г. Худокормова:

«Ключ к познанию истории экономических учений XX века (развитие экономической мысли через периодические кризисы)» (с. 595–625)

В очерке содержательно реализуется аспект исследования, который мы определили через понятие *континуума*, т. е. единства экономической мысли в пространстве и времени. Социальное пространство имеет различные измерения: технологическое, экономическое, идеологическое. Наука позволяет путешествовать в социальном времени, обращаясь к прошлому и будущему человеческого общества. Масштаб измерения зависит от того, какие ключевые события мы выбираем для рассмотрения. В данном случае это революции в научном познании или, шире, мировоззрении как способе восприятия действительности, в технологии и экономической жизни общества.

А. Г. Худокормов приводит к единому масштабу «двойственную» революцию в истории экономической мысли, связанную с возникновением марксистской политической экономии и философии (методологии) и маржинализма (с. 595–597). Основным теоретическим ключом для дальнейшего анализа может послужить теория «длинных волн конъюнктуры» Н. Д. Кондратьева (с. 598). Этапы повышательных волн образуют питательную среду для кризисов марксистской теории. Этапы понижательных волн, длительной плохой конъюнктуры «...демонстрируют относительность, иногда и просто ошибочность многих положений западной экономической теории» (с. 599). Этот вывод обосновывается материалами, представленными в табл. 1: «Большие волны конъюнктуры Кондратьева и кризисы экономической теории» (с. 600). Анализируется кризис марксистской теории и возникновение альтернатив в ее дальнейшем развитии (с. 600–611). Представленный материал и вывод автора о том, что «...Перспективным выходом из теоретического и практического кризиса марксизма призвана стать разработка теории высоко развитого социализма...», требует внимательного изучения и, по нашему мнению, дальнейшего обоснования.

Кризис западной экономической теории также увязан с важнейшими экономическими событиями XX века. А. Г. Худокормов утверждает: «Великая депрессия стала главной причиной кризиса неоклассического направления, оказавшегося бессильным разрешить теоретические проблемы наступившей экономической драмы» (с. 613). «Второй

кризис» экономической теории Запада представлен в табл. 3, где показана синхронизация волн конъюнктуры и кризисных проявлений в развитии кейнсианской теории (на фоне понижательной волны конца 1960-х – начала 1980-х годов) (с. 615). И, наконец, «Структура современного кризиса западной экономической теории» представлена в табл. 4 (с. 619). В комментариях к ней приводятся ссылки на лауреатов Нобелевской премии Дж. Акерлофа, Дж. Стиглица и других видных экономистов. А. Г. Худокормов пишет: «Современный кризис экономической теории Запада будет, по всей видимости, затяжным, поскольку в ее основе лежит хищническая идеология с ее лозунгом „прибыль любой ценой“» (с. 622).

Заключает очерк раздел «О ренессансе марксизма и перспективах мировой теории». Его автор связывает надежды на формирование альтернативы старым научным теориям с новой научной революцией, «...которая бы обобщила в рамках экономической науки данные революции в естествознании» (с. 624), имеющей своим объектом структуру генома человека и психологические основы экономического поведения.

Заключение

Наше, неизбежно краткое, изложение основных выводов упомянутого очерка, а тем более книги в целом имело целью показать оправданность методологического подхода авторского коллектива, представившего в рамках единого целого многообразие экономической теории, ретроспективу и перспективы ее развития. Внимательное прочтение монографии поможет обогатить теоретический арсенал экономиста-исследователя, преподавателя экономических дисциплин и любого читателя, имеющего достаточную подготовку и нацеленного на глубокое осмысление экономических явлений и процессов в современном мире.

Источники

1. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют : пер с англ. / науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М. : Журнал «Вопросы экономики», 2004.
2. Гловели Г. Д. История экономических учений : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2012.
3. Дятел Е. П. Политическая экономия versus экономикс // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 74–84.
4. Евразийская политическая экономия : учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016.
5. Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Международные отношения ; СПб. : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.
6. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Международ. отношения; СПб : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13; Т. 46, ч. 1. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1959, 1968.
8. Нуреев Р. М. Курс микроэкономики. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011.
9. Петти У. Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. М. : Эконом-Ключ, 1993.
10. Пономарева С. И. Методологические проблемы формализации экономической теории // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 1 (63). С. 17–22.
11. Ролз Дж. Теория справедливости / под ред. В. В. Целищева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
12. Татаркин А. И., Мальцев А. А. История экономических учений: оценка прошлого и перспективы будущего // Журнал экономической теории. 2015. № 2. С. 93–106.

13. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 4. С. 20–52.
14. Хелмедаг Ф. Справедливая заработная плата: нормы и факты : пер. с нем. // Известия Уральского государственного экономического университета. 2003. № 7. С. 21–31.
15. Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. СПб. : Экономическая школа, 2001.
16. Blaug M. No History of Ideas, Please, We're Economists // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 145–164.
17. Boettke P. J., Coyne C. J., Leeson P. T. Earw(h)ig: I Can't Hear You Because Your Ideas Are Old // Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 38. P. 531–544.
18. Fehr E., Falk A. Wage Rigidity in a Competitive Incomplete Contract Market // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. P. 106–134.
19. Yonay Y. P. The Struggle over the Soul of Economics: Institutionalist and Neoclassical Economists in America between the Wars. Princeton : Princeton University Press, 1998.
20. Robinson J. The Economics of Imperfect Competition. L. : Macmillan and Co., 1948.
21. Sandmo A. Economics Evolving: A History of Economic Thought. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2011. P. 4–14.
22. Sraffa P. The Laws of Returns under Competitive Conditions // Economic Journal. 1926. Vol. 36. P. 535–550.

Advances in Modern Economic Thinking

by Yevgeny P. Dyatel

The paper briefly reviews the content and main conclusions of the monograph “Economic theory in historical development: A view from France and Russia”, which deals with scientists’ contribution to formation of economic thinking. Particular attention is devoted to physiocracy as the first scientific economic school, which exerted a profound impact on the development of the most important for many Russian economists class and reproduction approaches; political economy of sensualists, which is little-known to Russian readers and can be called a precursor to modern theory of economic choice; system approach to the history of economic thought, which is widely applied by French and Russian contributing authors. The last fact allows regarding the monograph as a serious claim to form a continuum (unity in time and space) of economic thought, what makes economic science more multifaceted, as well as long forgotten ideas more relevant, and casts light onto the nature of the basic propositions of economic theory.

Keywords: economic thinking; reproduction approach; political economy of sensualists; continuum of economic thought.

References:

1. Blaug M. *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty obyasnayut* [The methodology of economics: or, how economists explain]. Moscow: Zhurnal “Voprosy ekonomiki” Publ., 2004.
2. Gloveli G. D. *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy* [History of economic thought]. Moscow: Yurayt Publ., 2012.
3. Dyatel Ye. P. Politicheskaya ekonomiya versus ekonomiks [Political economy versus economics]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Russian Journal of Economic Theory*, 2013, no. 2, pp. 74–84.
4. Maksimtsev I. A., Miropolskiy D. Yu., Tarasevich L. S. (eds.) *Yevraziyskaya politicheskaya ekonomiya* [Eurasian political economy]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2016.
5. Klamer A. *Strannaya nauka ekonomika. Priglasenie k razgovoru* [A strange science economics. An invitation to a talk]. Moscow: Gaidar Institute; Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; Saint Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University, 2015.

6. McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [Rhetoric of economics]. Moscow: Gaidar Institute; Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; Saint Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University, 2015.
7. Marx K., Engels F. *Writings*. Vol. 13; Vol. 46, Part 1. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1959, 1968.
8. Nureev R. M. *Kurs mikroekonomiki* [Microeconomic]. Moscow: Norma Publ.; INFRA-M Publ., 2011.
9. Petty W. *Traktat o nalogakh i sborakh* [Treatise of taxes and contributions]. In: *Antologiya ekonomicheskoy klassiki: Petti, Smit, Rikardo* [Anthology of economic classics: Petty, Smith, Ricardo]. Moscow: Ekonomov-Klyuch Publ., 1993.
10. Ponomareva S. I. Metodologicheskie problemy formalizatsii ekonomicheskoy teorii [Methodological problems of formalization in economics]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2016, no.1, pp. 17–22.
11. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Novosibirsk: Novosibirsk University, 1995.
12. Tatarkin A. I., Maltsev A. A. Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: otsenka proshlogo i perspektivy budushchego [History of economic thought: Assessment of the past and prospects of the future]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Russian Journal of Economic Theory*, 2015, no. 2, pp. 93–106.
13. Freedman M. Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki [The methodology of positive economics]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i system – THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*, 1994, no.4, pp. 20–52.
14. Helmedag F. Spravedlivaya zarabotnaya plata: normy i fakty [A fair wage: Standards and facts]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2003, no. 7, pp. 21–31.
15. Schumpeter J. A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of economic analysis]. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ., 2001.
16. Blaug M. No History of Ideas, Please, We're Economists. *Journal of Economic Perspectives*, 2001, vol. 15, no. 1, pp. 145–164.
17. Boettke P. J., Coyne C. J., Leeson P. T. Earw(h)ig: I Can't Hear You Because Your Ideas Are Old. *Cambridge Journal of Economics*, 2014, vol. 38, pp. 531–544.
18. Fehr E., Falk A. Wage Rigidity in a Competitive Incomplete Contract Market. *Journal of Political Economy*, 1999, vol. 107, pp. 106–134.
19. Yonay Y. P. *The Struggle over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America between the Wars*. Princeton: Princeton University Press, 1998.
20. Robinson J. *The Economics of Imperfect Competition*. L.: Macmillan and Co., 1948.
21. Sandmo A. *Economics Evolving: A History of Economic Thought*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2011, pp. 4–14.
22. Sraffa P. The Laws of Returns under Competitive Conditions. *Economic Journal*, 1926, vol. 36, pp. 535–550.

Contact Info:

Yevgeny P. Dyatel, Dr. Sc. (Econ.), Prof., Head
of Economic Theory & Economic Policy Dept.
Phone: (343) 350-75-89
e-mail: dyatel1942@mail.ru

Ural Federal University named after the first
President of Russia Boris N. Yeltsin
19 Mira St., Yekaterinburg, Russia, 620002

Ссылка для цитирования:

Дятел Е. П. Новое о формировании современного экономического мышления // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 4 (72). С. 5–18.

For citation:

Dyatel Ye. P. Novoe o formirovaniy sovremennoy ekonomicheskoy myshleniya [Advances in modern economic thinking]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2017, no. 4 (72), pp. 5–18.